ДЕТСКИЙ ВОПРОС. ВЗРОСЛЫЙ ОТВЕТ.

Зачем двери закрываются?

О границах, близости и праве открывать

Василь Пиксель

Василь Пиксель

Зачем двери закрываются?

«Автор»
2026

Пиксель В.

Зачем двери закрываются? / В. Пиксель — «Автор», 2026

Зачем нужны двери? Чтобы защищать нас от внешнего мира или чтобы мы могли самостоятельно решать, кого впускать?Дверь разделяет пространства, но одновременно создаёт возможность перехода. Её можно открыть, закрыть, запереть или оставить приоткрытой. Однако далеко не у каждого есть ключ, возможность выйти или право выбирать.Эта книга исследует личные границы, близость, доверие, отказ, ответственность и человеческую потребность в собственном пространстве.Когда закрытая дверь защищает, а когда становится препятствием? Всегда ли мы вправе не открывать? И может ли открытость быть столь же разрушительной, как полная изоляция?«Зачем двери закрываются?» - философское размышление о свободе и отношениях, в которых важно не только право закрыть дверь, но и возможность однажды открыть её снова.

© Пиксель В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ. ЗА ДВЕРЬЮ 5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПРЕЖДЕ ЧЕМ ИСКАТЬ СМЫСЛ 6
1. Когда дверь закрывается сама 6
2. Проём и порог 8
3. Ручка с двух сторон 10
4. Что решает замок 12
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ПО ОБЕ СТОРОНЫ 14
5. Комната, которую можно покинуть 14
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Василь Пиксель
Зачем двери закрываются?

ПРОЛОГ. ЗА ДВЕРЬЮ

В детстве трудно понять, почему взрослый вдруг закрывает дверь. Ещё минуту назад он разговаривал, смеялся, что-то спрашивал. Потом поворачивает ручку, входит в комнату – и между вами появляется деревянная плоскость. Человек остаётся совсем рядом. Иногда слышно, как он передвигает стул или кашляет. До него два шага, однако эти два шага уже не принадлежат тебе.

Взрослые часто объясняют такое просто: «Мне нужно побыть одному». Для ребёнка это почти загадка. Как можно хотеть одиночества, когда рядом любимые люди? А если человек закрылся, означает ли это, что ему плохо с тобой? За дверью неизвестное всегда охотно заполняется догадками.

Со временем мы сами начинаем закрывать двери. От шума улицы. От холода. От постороннего взгляда. От разговоров, которые не хотим вести прямо сейчас. Из уважения к чужому сну. Иногда – потому что опасно оставлять открытым. Иногда – потому что хочется наконец услышать собственные мысли.

И тогда выясняется, что знакомый предмет не так уж прост. Дверь одновременно мешает и помогает встрече. Она может защищать человека, а может удерживать его против воли. Её открывают из гостеприимства и закрывают из любви. Ею хлопают, чтобы причинить боль. Её бережно притворяют, чтобы никого не разбудить. У некоторых дверей ключ есть у обеих сторон; у других – только у одной. От этой разницы иногда зависит гораздо больше, чем от материала полотна.

Само устройство двери кажется почти смешно простым. Проём, коробка, полотно, петли, ручка, защёлка. Стоит изменить один из элементов – и привычное действие закрывания изменится. Дверь без проёма становится просто доской. Без доступа к ручке с другой стороны она может превратиться в преграду. Без возможности закрыться дверь нередко перестаёт быть границей, которой мы управляем.

Я предлагаю начать с настоящих дверей. Потрогать мысленно холодную ручку, задержаться у порога, вспомнить сопротивление тугого доводчика. Не спешить превращать каждую деталь в совет о жизни. Сначала присмотреться, что именно она делает.

И только потом спросить: зачем двери закрываются?

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПРЕЖДЕ ЧЕМ ИСКАТЬ СМЫСЛ

1. Когда дверь закрывается сама

Однажды дверь захлопывается за человеком, который собирался выйти всего на минуту. Он стоит на лестничной площадке без ключей, слышит щелчок и понимает: никто не хотел его запереть. Сквозняк сделал это вместо жильцов. Событие произошло, а намерения, которое так легко приписать закрыванию, не было.

Две двери открыты, и сквозь квартиру движется воздух. Шевелятся страницы на столе, дрожит занавеска, слышен стук незакреплённой створки. Воздуху всё равно, зачем хозяева оставили проход открытым: его движение подчиняется не семейным намерениям, а перепадам условий.

У дверей разные причины двигаться. Одну толкает человек. Другую возвращает к коробке пружина. Третью плавно ведёт доводчик. На четвёртую действует движение воздуха. Иногда человек закрывает дверь из осторожности; иногда она закрывается потому, что так устроен механизм или изменилось давление по обе стороны полотна. Для ответа на вопрос «что случилось?» это разные истории.

Иные причины появляются раньше, чем вопрос о правильности. Захлопнувшаяся от ветра дверь может напугать ребёнка и прервать разговор. Пожарная дверь может закрываться сама именно ради безопасности. У обоих событий есть последствия, но они не становятся высказываниями об отношении одного человека к другому. Даже когда за дверью остаётся любимый человек, щелчок защёлки не является надёжным переводчиком чужих чувств.[1]

В обычной ссоре мы редко располагаем полной картиной причины. Один услышал громкий хлопок и решил, что его хотели наказать. Второй, уходя, не удержал полотно, потому что руки были заняты. Такое объяснение не доказывает невиновности во всём остальном и не отменяет испуга; оно лишь показывает, почему нельзя делать нравственный вывод из одного звука. И наоборот: мягко прикрытая дверь может быть частью жестокого молчания. Ни громкость, ни плавность движения не устанавливают мотив.

Здесь возникает неудобный вопрос к нашей любимой метафоре. Если дверь закрывается сама, кому принадлежит решение об открытии? Замок может защёлкнуться автоматически, но ключ останется у другого. Доводчик одинаково возвращает дверь на место и после заботливого ухода, и после торопливого бегства. Механизм равнодушен к смыслу. Человеку, оказавшемуся снаружи, от этого не обязательно легче.

Поэтому приходится различать по меньшей мере четыре вещи: физическую причину движения, назначение двери, намерение участвующих людей и последствия для тех, кто пользуется проходом. Их иногда удобно соединить одним словом «закрылась», но книга потеряла бы свой вопрос, приняв это удобство за объяснение.

Вина не возникает автоматически из последствия. Но и отсутствие злого умысла не освобождает от вопроса, можно ли было предотвратить вред. Если в подъезде постоянно захлопывается дверь и люди остаются без доступа, один жилец может ни разу не захотеть никого запереть. Однако те, кто отвечает за устройство и обслуживание входа, уже знают о проблеме. Их бездействие имеет иной нравственный вес, чем случайный порыв ветра. Здесь появляется третья область между злым намерением и чистой случайностью – ответственность за условия, в которых событие повторяется.

---

[1] National Fire Protection Association. NFPA 80: Standard for Fire Doors and Other Opening Protectives (2025), nfpa.org; UK Government. Fire Safety (England) Regulations 2022: Fire Door Guidance (2025), gov.uk.

Представим ребёнка, который слышит, как за взрослым захлопнулась дверь. Его испуг настоящий, даже если никто не обижался и не хотел уходить. Можно объяснить причину, вернуться, помочь открыть, а не спорить с испугом: «Тебе показалось». Объяснение не отменяет переживания, зато не позволяет превратить случайность в обвинительный приговор. Именно так начинается разговор, которому не нужна заранее назначенная виновная сторона.

Мы можем построить устройство, которое закрывает дверь без всякой просьбы. Не можем встроить в него понимание, кого оно оставляет снаружи и почему. Это понимание начинается уже после щелчка – когда кто-то замечает другого человека по ту сторону.

2. Проём и порог

Чтобы установить дверь, нужен проём – место, через которое можно проходить.

Это различие легко пропустить. Если строить стену сплошной, двум пространствам не о чем договариваться. Они разделены окончательно. Проём означает возможность перехода, предусмотренную заранее. Даже закрытая дверь в нём напоминает: сюда когда-нибудь можно войти или отсюда можно выйти.

В старом доме обнаружить заложенный кирпичом дверной проём особенно странно. По штукатурке ещё угадывается его прежняя форма: арка, прямые откосы, иногда след петли. Сама комната могла измениться до неузнаваемости, а место несостоявшегося прохода осталось. В этом есть своя архитектурная биография: раньше здесь ходили, потом решили перестать.

Люди тоже не рождаются с неизменной планировкой. С одним человеком нам легко говорить о работе, с другим – о страхах, с третьим – о чём-то пустяковом и весёлом. Бывают комнаты внутренней жизни, в которые мы сами давно не заглядывали. Бывают проходы, заложенные после неприятного разговора, неудачного доверия, испуга. Нельзя, однако, механически заключить, что всякий такой проход следует немедленно открыть. Иногда закрытый путь хранит разумное решение.

Открытость принято считать достоинством. В ней есть щедрость: не заставлять другого гадать, что мы думаем; быть готовым показать настоящие чувства; допускать близкого человека к тому, что обычно остаётся внутри. Но открытость без выбора перестаёт быть щедростью. Невозможно подарить доступ, если ты не можешь в нём отказать.

Проём интересен ещё одним свойством. Он меняет стену, но не отменяет её. Два помещения остаются разными. Столовая не становится спальней оттого, что между ними открыта дверь. Человек не перестаёт быть отдельным человеком, когда впускает другого в свой опыт. Встреча не требует слияния.

Немецкий философ Георг Зиммель ещё в начале XX века размышлял о мосте и двери как о человеческих способах связывать и разделять пространство. Чтобы назвать два берега разделёнными, нужно уже представить возможность связи; дверь же делает особенно заметным выбор между проходом и преградой. Это наблюдение не снимает нашего вопроса, а обостряет его. Проход может существовать для всех на чертеже и только для одного – в действительности. Если один вправе открывать, а другой лишь ждать, их общая дверь не означает общей свободы.[2]

Возможно, одна из главных задач двери не в том, чтобы закрыться. Она в том, чтобы сделать переход регулируемым. Там, где всегда открыто, мы лишены части возможностей. Там, где навсегда замуровано, тоже. Между этими крайностями возникает пространство для решения – сейчас пройти, позже позвать, сегодня оставить в покое.

Мы редко благодарим стену за наличие проёма. Замечаем его лишь тогда, когда привычный маршрут внезапно исчезает. Может быть, с отношениями происходит нечто похожее: их ценность обнаруживается не в постоянной открытости, а в самом существовании пути друг к другу.

Между существованием прохода и решением пройти есть ещё один момент. Его удобнее всего заметить там, где под ногами начинается порог.

На пороге мы оказываемся между двумя режимами. Нога ещё в коридоре, взгляд уже внутри комнаты. Знакомое тело движется через очень узкую линию, но эта линия меняет пра-

[2] Simmel G. Brücke und Tür («Мост и дверь»). Der Tag, 15 сентября 1909. Перевод «The Bridge and the Door»: https://economicsociology.org/wp-content/uploads/2014/09/georg-simmelsthe-bridge-and-the-door.pdf

вила: здесь можно разуться, там нужно говорить тише, за этой дверью разговор остаётся частным.[3]

Порог может закрывать стык между помещениями, уменьшать сквозняк и в отдельных конструкциях задерживать воду. Однако высокий порог может мешать коляске, ходункам, чемодану и человеку, которому трудно поднимать ноги. Хорошая архитектура стремится согласовать защитную функцию с возможностью прохода. То, что удобно одному, не обязательно удобно другому.[4]

Слово «порог» давно стало частью человеческой речи. Порог терпения. Порог доверия. Порог дома, через который страшно переступить после долгого отсутствия. Мы говорим об этих вещах так легко, словно всем людям достался одинаковый уровень сложности. На деле пороги различаются. Один человек после конфликта хочет сразу обсудить случившееся. Другому требуется время, чтобы перестать защищаться и начать понимать услышанное. Это не обязательно показатель, кто любит сильнее.

Порог – место особой уязвимости, потому что решение ещё не доведено до конца. Ты уже сказал «нам нужно поговорить», но ещё не произнёс, о чём. Приехал к родителям, с которыми не виделся год, но пока стоишь на лестничной площадке. Написал письмо, от которого может измениться ваша жизнь, и держишь палец над кнопкой отправки.

Именно здесь хочется получить гарантию: если войду, всё будет хорошо. Настоящие пороги гарантии не дают. Они отмечают момент перехода, а не его исход. Иногда разумнее отойти, собраться и прийти позднее. Иногда человек так долго готовится, что сама подготовка становится способом не входить. Универсального срока нет: важны опасность, цена отказа, обещания, которые мы уже дали, и возможность действовать добровольно.

Есть дома, где гостей встречают словами «проходи, что ты в дверях стоишь». Это добрая фраза, если человек действительно желанный гость. Но за ней скрыто предположение: стоит войти – и тревога исчезнет. Бывает иначе. Человеку нужно несколько минут у порога, прежде чем он почувствует, что может быть собой.

Но бывает и другой порог – не перед чужой комнатой, а перед собственной возможностью уйти. На плане дома дверь есть, однако человек не может ею воспользоваться: путь перекрыт вещами, за выходом следят, каждый уход сопровождается угрозой. Тогда недостаточно рассуждать о свободе переступить порог. Сначала надо спросить, принадлежит ли человеку само право выбирать направление. У одного путь в обе стороны. У другого – только внутрь. С виду одинаковая дверь описывает две разные жизни.

Порог нельзя прожить вместо другого. Можно лишь не толкать его через эту тонкую линию силой.

---

[3] Van Gennep A. Les rites de passage. Paris: Émile Nourry, 1909. Образ порога как перехода между социальными состояниями рассматривается в антропологической традиции; это не правило поведения в отношениях.

[4] U.S. Department of Justice. 2010 ADA Standards for Accessible Design, §404 (включая требования к порогам и проходам). https://www.ada.gov/law-and-regs/design-standards/2010-stds/

3. Ручка с двух сторон

Чтобы открыть дверь, недостаточно знать, что она существует. Нужно найти место, где к ней можно приложить усилие.

У дверной ручки простая задача: передать движение ладони механизму. Она может поворачивать защёлку, тянуть полотно, служить опорой при толчке. От формы ручки зависит, насколько легко дверью пользоваться. Для человека с ограниченной подвижностью кисти круглая тугая ручка может стать препятствием там, где рычажная окажется удобнее. Доступность – не украшение после строительства, а часть реальной возможности пройти.[5]

И в человеческом разговоре фраза «ты всегда можешь ко мне обратиться» иногда работает как дверь без подходящей ручки. Вроде бы разрешение есть, но что именно сделать, непонятно. Написать ночью? Позвонить? Сказать прямо о страхе? Можно ли прервать человека, когда он занят? Как попросить помощи, не ощущая себя обузой?

Заботе помогает конкретность: понятный способ обратиться и реалистичный срок ответа. «Если станет тяжело, напиши мне. Если не отвечу сразу, вернусь к разговору вечером». «Мне сейчас сложно слушать внимательно, но завтра в шесть я свободен». Такая речь может звучать менее романтично, чем «я всегда рядом», зато с ней у другого появляется действительная возможность выбора.

Разумеется, никто не обязан быть круглосуточно доступным. Именно поэтому ясность столь ценна. Иногда честный ответ «сегодня не могу» поддерживает больше, чем привычное «обращайся когда угодно», за которым постоянно обнаруживается недовольство. Доступность без границ быстро превращается в обещание, которое невозможно исполнить.

Есть и противоположная проблема. Человек всю жизнь учится дергать чужие ручки, но не спрашивает, с какой стороны открывается дверь. Он ожидает привычного отклика, а обнаружив сопротивление, объявляет другого холодным. Возможно, ничего не сломалось. Просто за дверью живёт не обслуживающий механизм, а самостоятельная жизнь.

Нам часто хочется, чтобы важный человек понимал просьбу без слов. Иногда он действительно понимает. Но гораздо надёжнее учиться пользоваться ручкой: говорить, о чём просим, и выдерживать возможность услышать «нет».

Ручка не гарантирует входа. Она только делает обращение возможным. И это уже немало.

Пока мы говорим о дверной ручке как о красивом образе просьбы, легко не заметить тело. Ручку надо достать, удержать и повернуть. Ей нужны свободное пространство и достаточно времени, чтобы пройти. Для человека с ходунками, для ребёнка, для того, кто временно не может пользоваться рукой, наличие ручки ещё ничего не решает. Это не отвлечённая философская придирка. Речь о том, что один человек называет возможностью то, что ему доступно благодаря устройству своего тела и привычной организации мира.

У входа в здание стоят два человека. Один свободно толкает тяжёлую дверь плечом и проходит. Второй пытается сделать то же самое с ходунками, и дверь отходит назад раньше, чем он успевает переступить порог. Для первого проход существует. Для второго – пока лишь обозначен на плане.

Инженеры и специалисты по доступной среде не решают эти вопросы красивыми заявлениями о гостеприимстве. Они рассматривают реальные размеры проходов, усилия, форму фурнитуры, время закрывания и пространство для маневрирования. Конкретные нормы зависят от страны, назначения здания и типа двери; их нельзя переносить механически. Но сам

[5] U.S. Access Board. Chapter 4: Entrances, Doors, and Gates, §404.2.7 — Door and Gate Hardware. https://www.access-board.gov/ada/guides/chapter-4-entrances-doors-and-gates/

принцип важен за пределами нормативной таблицы: возможность нужно оценивать с точки зрения того, кто действительно должен ею воспользоваться.

Это меняет и философскую постановку вопроса. Мы привыкли думать, что достаточно не мешать другому войти. Иногда не мешать – слишком мало. Если в доме живёт человек, который не в состоянии самостоятельно открыть тяжёлую дверь, ему нужно не разрешение, а подходящий способ прохода. Помощь в этом случае не должна превращаться в пожизненное право помощника распоряжаться его жизнью.

Ни один дом не может одинаково удобно отвечать всем потребностям. Изменения имеют стоимость, а иногда ограничены самой конструкцией. Но эти ограничения не делают препятствие выдумкой. Сначала стоит признать, что проход существует не для каждого на равных условиях, и обсуждать возможное изменение с теми, кому им трудно пользоваться, – вместо предложения «просто сильнее толкнуть».

В отношениях похожая ошибка возникает, когда один предлагает бесконечно сложный способ обратиться за поддержкой, а затем считает другого свободным только потому, что формально никто ему не запретил. Здесь метафора заканчивается: о психологических потребностях нельзя судить по строительным нормам. Но вопрос остаётся острым – создали ли мы путь, которым другой действительно может воспользоваться?

В иной ситуации человек не может пройти сам не из-за двери, а из-за режима доступа: кнопка открытия существует, но расположена там, куда ему не дотянуться. Или охранник может разрешить проход, но не знает, что нужна помощь. Формальное «мы никому не запрещаем» тогда скрывает организацию, устроенную только под одного привычного посетителя. Менять её – не обязательно обещать невозможное; иногда достаточно спросить того, кто сталкивается с препятствием, что действительно помогает.

Дверь не становится гостеприимной оттого, что хозяину легко её открыть. И право пройти остаётся неполным, если весь труд перехода незаметно возложен на того, кому труднее всего.

4. Что решает замок

Замок вызывает подозрение быстрее, чем дверь. Пока полотно просто закрыто, мы допускаем разные объяснения: человек спит, работает, хочет тишины. Щелчок ключа придаёт границе намеренность. Теперь доступ ограничен сознательно.

При этом бытовой замок не имеет собственной нравственности. В квартире он помогает защитить людей и вещи от посторонних. В школьном кабинете может сохранять оборудование. В комнате, где человек переодевается, закрытая задвижка обозначает простое право не быть увиденным. В другом контексте тот же принцип ограничения доступа может стать способом контроля и насилия. Об устройстве мало знать, что оно запирает; важно понимать, кто и кого запер, зачем и есть ли безопасный выход.

Самое опасное заблуждение – считать, будто любой ключ доказывает доверие. Пары иногда обмениваются ключами от квартир. В этом может быть теплота: «Ты желанный гость, тебе не нужно ждать меня у подъезда». Но физический ключ не отменяет вопроса о времени и согласии. Если человек дал запасной ключ на случай болезни или аварии, это не приглашение без предупреждения проверять его жизнь.

И наоборот: отказ передать ключ сам по себе не свидетельствует об отсутствии любви. Для кого-то собственное жильё – единственное место, в котором он наконец научился чувствовать безопасность. Другой ещё не готов к совместному быту. Третий снимает помещение по условиям, запрещающим копировать ключи. Превращать каждое такое решение в тест на искренность – значит подменять отношения проверкой доступа.

Неприятный оттенок замка появляется и в речи. «Если любишь, скрывать нечего». «Дай пароль, иначе как тебе верить?» Подобные формулы звучат логично, пока не вспомнить, что у честного человека тоже есть границы. Личная переписка может содержать чужие секреты. Дневник – незрелые мысли, ещё не предназначенные для чужого суда. Не всё неоткрытое является обманом.

Но было бы неверно защищать замком любую тайну. Если утаивание затрагивает безопасность другого, общие обязательства или существенный выбор, ссылка на личное пространство не снимает ответственности. Между «я имею право на свою внутреннюю жизнь» и «я имею право скрывать последствия, которые причиняю тебе» проходит важная граница. Иногда её трудно провести, и тогда без настоящего разговора не обойтись.

Замок и согласие не совпадают. Некоторые замки защёлкиваются без отдельного решения; иногда доступ прекращается при потере ключа или поломке механизма. И наоборот, можно оставить дверь незапертой и ясно попросить в неё не входить. Если первым считать только устройство, придётся назвать свободным человека, чей отказ игнорируют у открытой двери, и несвободным того, кто добровольно заперся изнутри. Такая перестановка показывает предел метафоры.

Первый раз доверить кому-то ключ от собственной квартиры – событие невидимое для посторонних. Металл лежит на ладони, брелок звонко касается стола, можно сказать что-нибудь будничное: «На всякий случай». Но за этой будничностью стоит решение: другой человек сможет оказаться внутри, когда тебя нет.

Обычно ключи дают по разным причинам. Соседу – чтобы поливать цветы. Другу – потому что доверяют. Родителям – для экстренного случая. Человеку, с которым живут, – потому что пространство уже общее. У каждого ключа свой смысл, и ошибка начинается тогда, когда мы считаем их одинаковыми.

Ключ от квартиры не равен ключу от переписки. Доступ к банковскому счёту – не доказательство способности выслушать. Человек может доверять партнёру свою безопасность и всё равно нуждаться в личном дневнике. Другой может открыто рассказывать о переживаниях,

но не быть готовым к совместным деньгам. Доверие состоит из разных решений, а не из единственной отметки «пускаю всюду».

Бывает и так, что ключ, вручённый добровольно, незаметно превращается в символ владения. «Раз у меня есть ключ, почему я должен предупреждать?» – звучит вполне логично лишь до тех пор, пока мы не вспомним первоначальную договорённость. Вещь не расширяет молча объём согласия. Новые условия лучше обсуждать прямо.

Но доверие невозможно и без риска. Когда мы передаём ключ, мы допускаем, что кто-то может ошибиться: забыть запереть дверь, случайно сломать предмет, не понять неписаное правило. Даже отсутствие доступа не устраняет всех рисков, а совместная жизнь предполагает некоторую уязвимость. Важен не миф о безошибочном человеке, а способность договариваться, признавать последствия и восстанавливать доверие после поправимых промахов.

Хуже всего, если человек оказывается обязан отдать ключ, чтобы доказать любовь, а отказ превращается в обвинение. В такой ситуации решение уже не свободно. Даже если ключ передан, он не удостоверяет близость, которую хотели получить силой.

Возможно, подлинно важный знак доверия не в том, что другой может войти без нас, а в том, что он знает: у него есть доступ – и бережно выбирает, когда им пользоваться.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ПО ОБЕ СТОРОНЫ

5. Комната, которую можно покинуть

В одной комнате можно прожить несколько совершенно разных жизней. Утром она служит кабинетом, днём – местом для игры, ночью – убежищем от усталости. На стене висит один и тот же календарь, за окном растёт то же дерево, а смысл пространства меняется в зависимости от того, кто в нём находится и что ему сейчас нужно.

Когда человек просит комнату для себя, окружающие порой слышат в этом требование отдалиться. Особенно в семье, где привыкли к постоянному общению. «Что ты там прячешь?» – спрашивают с улыбкой, но улыбка не всегда отменяет давление. Человек вынужден объяснять своё желание уединиться так, будто запросил исключительную привилегию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.